

ТОЧКА ПУЛИ В КОНЦЕ ПОЭМЫ

**ГРОБ, ЗАКАЗАННЫЙ
ДЛЯ МАЯКОВСКОГО,
ОКАЗАЛСЯ МАЛ ПОЭТУ**

*«В наши вагоны
на нашем пути
наши
грузим
дрова...»*

Этот порыв, этот напор многих раздражали. Даже Борис Пастернак — друг и соратник по футуристическим манифестациям и ЛЭФ, один из первых примчавшийся в квартиру Бриков при страшной вести о гибели Маяковского, — писал: «Как вас могло занести под своды таких богаделен на искреннем вашем пути?» Но богадельни начались потом. А сначала было много воздуха, энтузиазма освобождения от того ненавистного Маяковскому расчеловеченного мира, где в душах людей «выцелован раб».

Его выставку «20 лет работы» коллеги по поэтическому цеху дружно игнорировали. Из журнала «Печать и революция» были изъяты поначалу помещенные там портрет и приветствие

ю би ля ру. Ему всячески демонстрировали, что он стране не нужен. А он хотел быть нужным. Не хотел пройти стороной, как косой дождь. Искусство было для

*Назван Владимира Маяковского
лучшим,
талантливейшим поэтом эпохи,
Сталин сослужил ему плохую службу.*

В О-ПЕРВЫХ, Маяковского вскоре после этого начали покрывать тем самым хрестоматийным глянцем, который агитатору, горлану, главарю всегда был отвратителен. К тому же нет лучшего способа умертвить слово, чем сделать его предметом обязательной зубрежки. Наконец ограничение значимости поэта «эпохой», пусть даже самой великой, по определению бестактно, тем более когда речь идет о гении, каковым, без сомнения, явился Владимир Владимирович. Тот факт, что сейчас, когда «эпоха» отшумела, некоторые ретивые прогрессисты призывают убрать с московской площади вознесшийся над нею памятник, сослать его на какой-нибудь задний двор, где в нелепых позах томятся вчерашние кумиры, в том числе и сам Сталин, — также результат зауженной хрестоматизации Маяковского, предпринятой, впрочем, с вполне утилитарной целью: «эпохе» нужны были свои классики, и формирование галереи она начала с Маяковского.

Между тем при жизни он вовсе не был угоден власти. Был скорее неудобен — громадой своей личности, искренностью порыва к открывшейся новизне земли и неба социализма, в которые не просто верил, но дышал и жил ими, и не его вина, что не оправдалась эта вера, прервалось дыхание, а жизнь — неумемная, как его поэмы, завершилась точкой пули, выпущенной из единственного патрона в револьвере.

Вот как любовно обыгрывается им, например, слово «наше», обретшее в контексте революционного энтузиазма совершенно новую интонацию:

*«Наша земля.
Воздух — наш.
Наши звезд алмазные копи...»*

Или:

него не баловством, а делом государственным, делом обновления жизни.

Выполнил он его, вопреки инсинуациям завистников и явных врагов, добросовестно. И прекрасно это сознавал. У его поэзии были мозолистые руки. Их подползали лизать поезда. Однажды в ЛИТО он встретился с Гершензоном, дедушкой русского литературоведения. Заспорили. «Я вас не знаю», — сказал Гершензон. «В таком случае вы не знаете русской литературы: я — Маяковский», — ответил поэт.

Незадолго до смерти врачи констатировали у него не только грипп, но и нервное истощение. А вот одиночество медицинскому освидетельствованию не поддается. При всей своей тяге к «нашему» Маяковский в последние дни был совершенно одиноким. Кроме статуэтки верблюда на камине, друзей, настоящих друзей, в сущности не осталось. Он часто напевал немудреную грустную песенку:

*«У коровы есть гнездо.
У верблюда — дети.
У меня же никого,
Никого на свете.»*

Никого не оказалось рядом и в ту роковую минуту взведенного курка.

На похороны не пришли рапповцы, раздраженные тем, что в их примитивные надуманные прописи не желала укладываться огромность его творчества. Гроб, заказанный Союзом писателей, оказался маловат, не по росту великану. Проститься с поэтом, которого не знал Гершензон, притекла вся Москва. Поднимали детей: «Это Маяковский!».

70 лет прошло с тех пор. Сегодня вокруг имени Маяковского много праздной суетни и вздорных домыслов. Мы забыли о Маяковском-поэте. Великом поэте, которого не вынешь из русской литературы, русской культуры. Это признак нашей дикости, варварства, которое не уважает прошлого.

Не будем суетиться хотя бы сегодня, в день поминовения. Шапки долой, господа! Хотя бы минуту молчания...

Владимир ВИШНЯКОВ.

*14.04.2000г
Маяковский Владимир*